

волѣ. Совершенно забывъ собственныя положенія о томъ, что Бога мы рождаемъ въ себѣ, въ собственномъ сознаніи, ибо рождаемся со смутнымъ чувствомъ Его и что влеченія къ истинѣ есть наши самыя интимныя, самыя личныя цѣли, зажигающія насъ радостью и спасающія отъ смертной пустоты и отчаянія, писатель приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

— Лично для меня, для существа, которое никогда не начиналось и всегда есть,—ничего не нужно. Жизнь моя для моего «я» не имѣетъ никакого смысла... Жизнь въ личномъ сознаніи непонятна, какъ и жизнь всего міра. Но я живу и долженъ дѣйствовать по волѣ какой-то высшей силы».

Толстой забываетъ, что вся сущность его утвержденія относительно «оживанія въ Богѣ» покоится на признаніи, что искра мірового свѣта и Свѣтъ универсальный есть одно. Что сознаніе человѣческое зажжено пониманіемъ и чувствомъ этой истины и только потому и вздымается навстрѣчу міровому солнцу Любви, ибо все живое и сознательное объединено непостижимымъ внутреннимъ познаніемъ, которое такъ же нельзя формулировать, какъ толстовское «оживаніе въ Богѣ». Быть можетъ это оживаніе и это чувство универсальной истины и любви одинъ обманъ, «золотой сонъ», но если писатель выставилъ